

В философии всеединства она выступает как творящая сила, движитель богочеловеческого процесса, обладающая сферой культовых таинств, продуктивно воздействующих на сознание и чувства, способная через формирование веры достичь высоких воспитательных целей. Вместе с тем богочеловеческий процесс глобален, его субъект – весь мир как всеединный развивающийся организм, а значит, – коэволюционный процесс, направляемый Всевышним.

Освещение в образовательных программах нравственно-религиозного аспекта придает и определенную оптимистическую нацеленность человеческому существованию. В православно-идеалистической эсхатологии история мыслится как замкнутое целое, проникнутое смыслом Всеобщего Воскресения и Второго пришествия, что в “этой жизни” в значительной мере ориентирует на ответственность за содеянное.

Само собой разумеется, что включение церкви в систему формирования нравственно-экологического императива не решает проблему. Общество сможет значительно приблизиться к природно-культурной коэволюции усилиями науки в целом и государства на основе совместных достижений философов, естествоиспытателей, математиков, экономистов, психологов, социологов и даже поэтов, подняв этасферу, общество на высшую научно-этическую ступень развития.

Таким образом, в настоящее время гармонизации отношений “человек – природа” нет альтернативы. Религиозное и светское направления сходятся в одном: сохранить на Земле жизнь и главную ее ценность – Человека. Поэтому формирование нравственно-экологического императива становится насущной необходимостью.

¹ Моисеев Н. Н. Экология, нравственность и политика // Вопросы философии. 1989. №5.

² См.: Рьюз М., Уилсон Е. Дарвинизм и этика // Там же. 1987. №1.

³ См.: Сахаров А. Д. // Там же. 1990. №2.

⁴ См.: Соловьев Вл. // Там же. 1989. №6.

⁵ См.: Хоружий С. С. // Там же. 1989. №12.

М.Н.МАЛИНОВСКИЙ

СТАНОВЛЕНИЕ ЭКОСОЗНАНИЯ В КУЛЬТУРЕ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Проблема сохранения экостабильности на планете, формирования нового экологического сознания и достижения антропо-природной гармонии чрезвычайно актуальна для современного сообщества и научного мира. Предлагаются разнообразные подходы к решению проблемы, однако мало кто из исследователей обращается в этой связи к культурному наследию минувших эпох. Между тем в истории можно найти немало интереснейших прецедентов, когда социум культивировал такой тип экологического сознания, который в значительной степени снимал противоречия, устранял конфликт в системе “человек-природа”.

Разумеется, любой феномен культуры исторически специфичен, т.е. содержит набор атрибутивных элементов, присущих совершенно определенному уникальному историческому периоду. Однако аксиологические компоненты подобных феноменов являются инвариантными и поэтому могут быть использованы в процессе формирования современного экологического сознания.

С этой точки зрения представляется перспективным анализ скандинавского культурного феномена, охватываемого историческими рамками VIII–XIII в.в. Выбор данного объекта и временных границ исследования обусловлен следующими причинами. Скандинавские народы, будучи соседями славян на северо-западе, исторически тесно связаны с ними. Наконец, культура Скандинавии до XIII в. сохраняла достаточную степень самобытности и не подвергалась христианскому влиянию со стороны остальной Европы.

Хотя норманнский социум того времени был достаточно независимым от природных процессов, классическое скандинавское общество еще не утратило осознания своей взаимосвязи со средой обитания и продолжало активно

транслировать архетип погруженности в природное начало. Инструментом для этого служили мифы.

Несмотря на то, что скандинавская мифология представляет собой уникальное явление европейской культуры, она имеет общие герменевтические корни с романскими и славянскими верованиями. Скандинавская мифология выделяется из подобных ей европейских культурных традиций своим пессимистическим, трагическим характером и чрезвычайно четким звучанием военных мотивов. К тому же эсхатологичность скандинавской мифологии – явление, не свойственное больше ни одной политеистической системе в Европе. Помимо этого, она, на первый взгляд, кажется запутанной и парадоксальной. Ее космогония не разъясняет точно, откуда взялись боги и каково будущее их потомков. Боги викингов могут возвращать людей из царства мертвых и творить чудеса, но сами они смертны и далеко не всемогущи.

Совокупность названных оптимистических черт норманнской мифологии является определяющей для формирования способа трансляции и смысловой направленности скандинавского сознания. В нем проявилось уже не слепое поклонение природным явлениям, а система магического взаимодействия с ними, основанная не на противопоставлении социума природе, а на восприятии их обоих в качестве органов единого тела, организма. Скандинавы ощущали себя растворенными в природном континууме, фиксировали свою органическую включенность в экосистему и потенциальную невозможность вычленения из нее человеческого общества как самостоятельного компонента. Интенция на единство с природной средой проявлялась в течение всего процесса социализации скандинава, а социум в дальнейшем постоянно поддерживал у своих членов настоятельную потребность в экологической самоидентификации. Это достигалось средствами культуры и, прежде всего, спецификой обычаев и обрядов скандинавского общества.

Наиболее показательными в этом отношении являются обычаи, обуславливающие ритуалы погребения и заключения брака.¹ Погребения в Скандинавии, в особенности погребения знатных людей, выполняли первоначально магическую функцию воздействия на плодородие земли. Вот что говорится по этому поводу в саге о норвежском конунге Хальвдане Черном.² Во время его правления в стране не было ни одного голодного года, а после смерти конунга послы четырех норвежских областей оспаривали право захоронения его тела. В конце концов тело конунга было расчленено на четыре части и захоронено в четырех местах. Это, по убеждениям норвежцев, должно было способствовать процветанию тех областей. Аналогичное предание содержится в саге об Инглингах. Когда умер Фрейр – мифический правитель Швеции – приближенные тайно поместили его тело в курган и в течение трех лет засыпали золотом, серебром и медью. Все это время народ полагал, что Фрейр жив. Когда же узнали, что правитель давно умер, а благоденствие и мир сохраняются, уверовали, что так будет всегда, пока он остается в Швеции. Поэтому решили не сжигать его тело, а самого Фрейра назвали богом плодородия.³

В неурожайные годы, если никакие меры повысить урожайность не помогали, шведы приносили конунгов в жертву богу.⁴

С культом плодородия были связаны и почти все свадебные обряды скандинавов, которые практически без изменения сохранились до XX столетия.⁵ Дом для свадьбы украшали цветами. Перед ним ставили обвитую цветами арку, под которой должны проходить молодые. Цветами украшали и самих молодых. Считалось, что новобрачные обладают способностью повышать приплод скота, поэтому они первым делом заходили в хлев, где невеста доила корову. После этого молодые шли в дом по дорожке, устланной новым холстом, а гости и родные осыпали их зерном.

На свадебный пир обязательно готовили кашу из злаков, которая называлась "невестиной кашей". Угощение ею являлось кульминацией свадьбы. После этого ритуала невеста считалась замужней женщиной. Она присоединялась к гостям и съедала ложку каши, подтверждая этим свое новое

положение. Котел с "невестиной кашей" гости передавали друг другу под столом. Часто он мог оказаться в соседнем доме. В таком случае за него полагалось давать выкуп. "Невестиной кашей" одаривали отъезжавших гостей для передачи тем, кто не мог побывать на свадьбе. Обычай угощения "невестиной кашей" выполнял у шведов функцию магического приобщения к силе божества плодородия.

В свадебных обрядах тесно переплелись социальные и экологические ритуалы. Иносказательный характер сватовства, прятанье невесты подтверждают, что личности жениха и невесты рассматривались как сакральные. Прикосновение жениха к оброченной невестой вещи рассматривалось как сакральное предзнаменование, дурной признак, следовательно, невеста для жениха была табуированной. В этом проявлялись не столько социальные роли жениха и невесты, сколько магические отношения, связанные с эзотерическими силами, которые поселяются в них в соответствии со свадебным статусом. Эту мысль подтверждает и то, что их имена до свадьбы вообще не упоминались, а произносились первый раз только в новолуние. Если свадьба рассматривалась как ритуал, посвященный культу плодородия, то жених и невеста были в них божествами плодородия, что подтверждает обычай одаривания гостей "невестиной кашей". Если подарки молодым и обмен подарками между родней новобрачных можно объяснить социальными предпосылками, то обязанность невесты раздавать всем гостям орнаментированные шерстяные носки можно интерпретировать, связав этот обычай с древними магическими ритуалами. Шерстяные носки в холодной Скандинавии, без сомнения, имелись в каждом доме, поэтому такой подарок, полученный на свадьбе, важного бытового значения не имел. Но зато орнамент в древней Скандинавии был магическим. Вероятно, по структуре орнамент на носках сочетался с украшениями из цветов, которые были на невесте. Раздача невестой орнаментированной одежды может быть истолкована как передача божеством своей силы в обмен на жертвоприношение, которое олицетворяли подарки гостей молодым (а это были скот и зерно, из которого приготавливали пиво — "священный напиток Одина").

Каждый древний норманн обладал совокупностью знаний императивного характера о программах действий в той или иной жизненной ситуации: рождение ребенка, заморский поход, свадьба, сельскохозяйственные работы или предсказание погоды. Все эти программы так или иначе коррелировались с природным фактором, и у каждого скандинава набор знаний об этих программах был одинаков.

Скандинавским феноменом, уникальным для Европы явлением называют исследователи звериный стиль.⁶ Для декора скандинавских языческих и христианских храмов, орнамента бытовых и специальных предметов характерен мотив переплетающихся частей тел животных и стеблей растений. На большинстве из них нельзя выделить ни лиц, ни голов, ни тел как таковых: звери так скрючены и переплетены, что по большей части можно различить лишь невероятно экспрессивный клубок из лап. Примечательно еще и то, что мастера варьировали структуру орнаментальных построений, но всегда оставляли неизменным сюжет. Очевидно, применение вполне определенных символов в орнаменте производилось не по прихоти мастера, а регламентировалось четко установленными ассоциациями, которые должны были возникать у норманнов во время просмотра. Мастер не претендовал на изменение содержания орнамента, вследствие чего авторство было анонимным. На эту мысль наводит характер изображаемых существ: мастера-орнаменталисты IX–XII в.в. стремились подчеркнуть в переплетении рук и ног преобладание их функциональной роли, не прибегая к изображению лиц. Все это говорит о коммуникативной магической функции скандинавского орнамента, в символической форме репрезентировавшего взаимодействие природного и антропогенного факторов.

В числе причин, определивших весомое положение экологической составляющей среди приоритетов коллективного сознания норманнов, можно

назвать следующие. В IX–XII в.в. наблюдается культурный подъем Скандинавии. На это время приходится и новый виток развития скандинавской мифологии, реформа рунического алфавита, расцвет орнаментики и скальдической поэзии. В этот период социум сам практически не производил промышленных изделий, а существовал за счет торговли и военной добычи, что значительно замедляло темпы развития технократического сознания норманнов. К этому времени относят и так называемую языческую реакцию в Скандинавии, проявившуюся в возрождении и широком распространении в обществе традиций и обычаев языческой мифологической парадигмальной сущности. Языческая реакция оказалась стихийным негативным ответом скандинавских народов на христианское влияние извне.

С распространением в Скандинавии европейской культуры экологическая проблематика из сакральной (доминирующей) области переместилась в бытовую: в народные предания, обычаи и обряды, ремесла, где она в неэксплицированном виде транслировалась вплоть до XX в. Сплетаясь с социальными традициями, экофильные мотивы скандинавской мифологии прочно закрепились в сознании норманнов, в их материальной и духовной культуре. Устойчивое восприятие этих мотивов в качестве значимых моментов повседневной жизни любого скандинава превратило их со временем в один из приоритетов национальной культуры.

¹ См.: Davidson H. R. *Gods and Myths of Northern Europe*. Harmondsworth, 1986.

² См.: Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы. М., 1990.

³ См.: Лебедев Г. С. *Эпоха викингов в Северной Европе*. Л., 1985.

⁴ См.: Петрухин В. Я. // *Скандинавский сборник*. Таллин, 1976. №21.

⁵ См.: Старшая Эдда. М., 1963.

⁶ См.: Foote P. G., Wilson D. M. *Wikingowie*. Warszawa, 1975.